

Прожито и записано

ОГИЗ

**Александр
Куприянов**

ИСТОПНИК

**«Издательство АСТ»
Москва**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К92

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Куприянов Александр Иванович

К92 **Истопник. Кинороман с курсивом, хором и оркестром / А.И. Куприянов. – Москва: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2019. – 448 с. — (Прожито и записано).**

ISBN 978-5-17-114256-8

«Истопник» — книга необычная. Как и другие произведения Куприянова, она повествует о событиях, которые были на самом деле. Но вместе с тем ее персонажи существуют в каком-то ином, фантазмагорическом пространстве, встречаются с теми, с кем в принципе встретиться не могли. Одна из строек ГУЛАГа — Дуссе-Алиньский туннель на трассе БАМа — аллегория, метафора не состоявшейся любви, но предтеча её, ожидание любви, необходимость любви – любви, сподвигающей к жизни...

С одной стороны скалы туннель копают заключенные мужского лагеря, с другой — женского. И в условиях, когда люди обречены, им остается только надежда. Она умирает вместе с человеком.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114256-8

© А.И. Куприянов, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Посвящается
Юрию Лепскому,
Игорю Коцу*

Горе тем, которые зло называют добром.
И горькое почитают сладким.

Книга пророка Исаяи. 5:20

ДЕД И ВНУК

Вступление

Когда умер Сталин, мне было два года. Тогда же вернулся с Сахалина мой дед. Первый раз он побывал там на царской каторге как дуэлянт. «Его даже на расстрел водили!» — с осуждением говорила позже мне, повзрослевшему, мама. Для побега с каторги они с другом, чеченцем Мангаевым, украли шхуну. Ели сырое мясо акул. Шхуна оказалась дырявой и затонула где-то у Холмска. Правда или нет — не проверишь. Когда я поступал в Холмское мореходное училище, по вечерам, на закате, выходил на пирс и подолгу вглядывался в даль. Неужели я думал, что шхуна может возникнуть на горизонте? Как одинокий радист, я посылал сигналы во временное пространство, надеясь получить ответ.

Второй раз, уже в советские годы, деда сослали на остров, как тайного агента Японии. И как анархиста армии Тряпицына. Яков, со своей матросней, сожгли дотла Николаевск-на-Амуре. Мой дедушка партизанил где-то поблизости. Спалили порт для того, чтобы он не достался захватчикам. С которыми дед, если верить органам НКВД, уже начал чего-то мутить. Ну вот вам и первый оксюморон (объяснение см. ниже) из жизни моего легендарного деда.

Он сам нещадно лупил японцев из берданки с борта кунгаса. А потом им же и «продался». Следователей НКВД он называл *энкаведами*. Факт дедовой борьбы с оккупантами энкаведы отрицали. Мол, умело маскируется, *сахала* — то есть беглец с Сахалина. Кунгас же, поясним, огромная просмоленная лодка. Туда входит не один центнер рыбы. «Живое серебро лососей» — образно писал я, начинающий поэт и селькор, про кунгасы с рыбой в местной газете «Ленинское знамя». А возрожденный Николаевск стал городком моего детства. Деревня, в которой я родился и вырос и которую основал мой дед, километрах в сорока от Николаевска. Дед все-таки сбежал с каторги. На этот раз они пешком с Айтыком Мангаевым перешли подтаявший лед Татарского пролива. Отвоевав на Гражданской, дед организовал рыболовецкую артель. Разумеется, она называлась «Буря». Было бы странно, если бы они с Айтыком назвали ее «Бриз». Бриз — это легкий ветерок.

Потом артель переименовали в «Ленинец». А могли бы ведь и «Сталинцем» наречь. Айтык в «Буре» работал счетоводом. Ловили горбушу и кету. У амурских лососей красная икра. Солили бочками. И вот теперь я думаю: какие секреты могли продать мой дед и Айтык, артельщики, японцам? Начертить схему океанской пропасти, где из малька-сопельки вырастает лосось-гигант?! Узнав тайны глубин, милитаристы проложили бы маршруты для прохода подводных лодок к берегам Николаевска. Но и тут осечка! Координат тучных пастбищ, где в тайне от всего мира кормятся лососи, до сих не определили даже большие ученые! Дед свободно читал по-немецки, но ихтиологом он не был. Может, японские спецслужбы интересовали *тёрки*? Таежные урочища, где рыбы, поднявшись из морских

бездн, продолжали свой род. Лососи проходят тысячи километров, чтобы отметать икру и погибнуть там, где родились. Как они находят путь назад?! Мой дед, затейник, мог предложить своим очкастым «кураторам» из спецслужб: «А давайте пустим по следу горбуши специально обученных дельфинов-разведчиков!» Однажды он раскрыл мне тайну возвращения амурской рыбы домой. Сюжет сродни библейскому возвращению блудного сына. Чем старше я становился, тем больше убеждался в справедливости пути, избранного серебристыми лососями.

Ну а деду тогда, конечно, припомнили всё. И его гусарство в царской армии. И угнанную шхуну. И их с Яшей Тряпицыным неосуществленную мечту — Дальневосточную республику. Которую они собирались строить отдельно от комиссаров. Успели даже выпустить собственные деньги. Сепаратисты. Бумаги тогда не хватало. Червонцы отпечатали на лентах китайского шелка. Один мой друг, детский писатель Валера Шульжик, держал шелковые червонцы в своих руках. Они как-то дошелестели до хрущевских времен. Валерий ходил тогда матросом на колесном пароходе «Карпенко» по Амгуни. В тех местах и повели на расстрел Якова Тряпицына с боевой подругой Ниной Лебедевой-Кияшко, яркой комиссаршей. Они были закованы в цепи. Якову исполнилось двадцать три года, Нина — на четвертом месяце беременности. «Если будет сын — назову его Яковом!» — крикнула она Тряпицыну в ночи, на прощанье. До последнего не верила, что революционные матросы расстреляют ее за предательство коммунистических идеалов.

У деда жизнь сложилась все-таки удачней.

Если не считать фиолетового шрама на горле. Который он умело маскировал бородой.

Писателя Шульжика мы звали Шуль. Шуль говорил нам, слушателям литературного объединения: «Настоящий матрос не плавает, а ходит. Плавает... понятно что! В проруби». Нам, начинающим поэтам, было понятно. Образность последнего постулата, согласимся, сомнительна.

Но точность формулировки безукоризненна. На Охотском побережье настоящих матросов, впрочем, как и авантюристов, до сих пор хватает.

А уж в прежние-то времена...

Деда обвинили в троцкизме. Да еще и КРД нахлобучили — контрреволюционную деятельность, направленную на подрыв экономики молодого государства. Пиратские *мару* японцев — шхуны — шныряли в водах Амурского лимана. Они интересовались исключительно красной икрой. Был ли у моего деда тайный сговор с акулами капитализма? Знаменитая тогда 58-я статья УК расставила все точки над «и». Конкретно: 7-й пункт — подрыв промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения и кооперации. Наказание — до 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Дед отсидел то ли четыре, то ли пять. А потом его сослали. Дружок Айтык, кстати, тоже загремел следом. Куда можно сослать с низовьев Амура дальше Сахалина? Только в Японию! О чем они, может быть, даже и мечтали. Если вспомнить про дырявую шхуну. О, как вкусно произносил дед это — *за кордон!* Словно виски закусывал икрой. Но не все мечты сбываются... Я ничего не записал из его рассказов. Наверное, тогда еще был просто мал. Зато я запомнил, как он поет песню про ворона. Он ее пел, трагично добавляя к словам букву «д»: «Ты не вейся, д-черный ворон, эх, над моею д-головой! Ты добычи не д-дождешься...» Волнуясь, он слегка заикался. Мама плакала: «Зачем вы душу себе надрубаете?!» Дед

отвечал, словно целился — хищно прищуривая правый глаз: «Для хруста!» И добавлял непонятное: «Всем сестрам — по серьгам». Поразительно! Много лет спустя я узнал, что песню про ворона любил петь нарком и палач Ежов. Цитирую из книги «Сталин и его подручные» Дональда Рейфилда: «И даже тогда, когда он заведовал круглосуточным террором, он любил, с прекрасной, прочувственной интонацией, петь песню о смертельно раненном солдате. “Черный ворон, что ж ты вьешься, да над моею головой!”»

Палач и жертва любили одну и ту же песню. На царской каторге деда заковали в кандалы. На сталинской он был расконвоирован.

И вот вам второй оксюморон моего деда. Никаким врагом народа и японским шпионом он, конечно же, не был. Но никогда не жаловался на годы неволи и лишений. Никуда не обращался в поисках защиты от несправедливости. Его реабилитацией занималась мама. Своего отца, да и мать тоже, она звала на «вы». Когда я стал интересоваться историей, мама объяснила мне страшную правду про «сестер» и про «серьги». Дед считал, что всякий народ достоин своей власти. То есть репрессии народ заслужил? Такая правда была потяжелее легенд про расстрел, червонцы на китайском шелке и про беременных комиссарш. Я не мог ее принять. Совсем недавно прочитал в интервью с Александром Сокуровым: «Уверенность, что какая-то политическая организация или конкретные люди виноваты в том, что происходило, и ответственны за тяжелые, необратимые последствия, очень распространена в России. И совсем не распространена мысль о том, что мы — та самая страна, где народ в большей степени отвечает за все, что творилось с нами на нашей же территории...»

Я не согласен с Сокуровым. Но мой дед сказал то же самое гораздо раньше всемирно известного режиссера. Полвека прошло. Впрочем, еще одна деталь. Существенная. Был такой пророк, Исая, который персидского царя Кира назвал помазанником Божиим. Восьмой век до нашей эры. Исая первым заявил, что всякий народ заслуживает ту власть, которая над ним. Другое высказывание пророка, не менее важное, взято эпитафией к этому роману.

Что я помню еще? Дед сидел в белой рубашке, с отложным воротником апаш, в хромовых сапогах и полувоенных брюках-галифе. Он ласково называл их — *гали*. Улыбался. Перед ним на столе стоял лафитник. Водку он пил исключительно из хрустального графина. А в хрустальной же вазочке горкой лежала икра. Присыпанная сверху луком. У нас говорили: «Для хруста!» На Нижнем Амуре красной икры много. Как, скажем, ягоды морошки на Шантарских островах. Или как картошки под Воронежем.

Картошка и морошка — рифма здесь случайна.

Хотя, как оказалось, многое в жизни кем-то рифмуется.

Узнать бы — кем?!

Дед-анархист, пророк Исая и режиссер Сокуров. Чем вам не рифма?

Мои внуки давно уже не мальки. И они ничего не знают о том времени.

Да и мне кто-то подсказывает — пора возвращаться.

Узнать бы — кто?!

Пропасти океана, как и тучные пастбища, чреватые перееданием. Пользуясь стилистикой настоящих матросов — обжорством. Жаль, что понимаешь это поздно. Когда утром завтракаешь таблетками. Тут главное не пропасть в безднах

океана и не упустить точку возврата. Другой мой друг, легендарный журналист Геннадий Бочаров, как-то поделился под рюмку: «Раньше мы жили хорошо. Теперь живем отлично! Ты не знаешь, почему все время хочется туда, где было просто хорошо?» Люди как лососи. Умеют возвращаться. Мы закусывали с Бочаровым красной икрой. Я присыпал ее, как и положено, сверху лучком. Форма документально-художественного киноромана избрана по единственной причине. Клиповое сознание нового поколения не приемлет прозаических длиннот. Дело не в заигрывании с новой братвой из фейсбука. В каждом времени свои анархисты и свои гаджеты. Социальные сети в России превратились в одну огромную прорубь. Не знаю, можно ли пулемет Максим считать гаджетом?

Дело в желании быть понятым молодыми.

Недавно я рассматривал последнюю фотографию своего деда, Кирилла Ершова — дважды зэка России. Я обнаружил у него на лбу, между бровями, жесткую складку, похожую на шрам. Ее называют в народе морщиной гнева. Может, его ранило на Гражданской? Удивительное дело! Точно такая же складка залегла и у меня на лбу. А ведь на дуэли я не дрался. Меня не вели на расстрел. Не ссылали, как врага народа, на Сахалин. Да и вообще акульего мяса я не люблю и пою другие песни. Я хочу, чтобы сейчас их слышали мои внуки. И Вы, мой д-дед. Двойная «д» здесь, я полагаю, понятно для чего? Она исключительно для хруста. Оксюморон же, кто запомитовал, сочетание не сочетаемого. Например, горячий снег. Или свободный зэк. Зэк не может быть свободным.

Но когда он уходит в побег, снег под его ногами — горячий.

Можжевеловый куст¹

Я увидел во сне можжевеловый куст,
Я услышал вдали металлический хруст,
Аметистовых ягод услышал я звон,
И во сне, в тишине мне понравился он.

Я почувал сквозь сон легкий запах смолы.
Отогнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке древесных ветвей
Чуть живое подобье улыбки твоей.

Можжевеловый куст, можжевеловый куст,
Остывающий лепет изменчивых уст,
Легкий лепет, едва отдающий смолой,
Проколовший меня смертоносной иглой!

В золотых небесах за окошком моим
Облака пролетают одно за другим,
Облетевший мой садик безжизнен и пуст...
Да простит тебя Бог, можжевеловый куст!

¹ Песня на стихотворение Николая Заболоцкого.

ПРОЛОГ

Что поёшь — в то и веришь

Поэт Николай Заболоцкий начинал свой лагерный путь под Комсомольском-на-Амуре, в поселке Старт. В некоторых воспоминаниях почему-то Штарт. Наверное, рассказчик, уже без зубов, шепелявил. Заболоцкий сидел на знаменитой стройке-500. Так называли строительство Байкало-Амурской магистрали от Комсомольска до Советской Гавани. Здесь география страны заканчивалась. Край света. Рядом только порт Ванино, знаменитая тюрьма-пересылка. Эки пели:

Я помню тот Ванинский порт
И шум пароходов угрюмый,
Когда мы спускались на борт
В холодные, мрачные трюмы.

Сортировка дьявола.
Отсюда дорога вела на Колыму. То есть в могилу.
Есть такое выражение, его все знают: свет в конце тоннеля.

Оно означает надежду. А тут получалось наоборот.
В конце света они строили свой тоннель.